

Андрей Николаев

Новая книга С.М. Ляндреса

Andrei Nikolaev

(Hertzen State Pedagogical University of Russia)

New book by S.M. Lyandres

В конце 2013 г. в издательстве Оксфордского университета вышла книга профессора Университета Нотр-Дам С.М. Ляндреса*, в которой опубликованы стенограммы интервью участников Февральской революции, составленные в 1917 г. членами Комиссии опросов Таврического дворца Общества изучения русской революции (ОИРР). При этом открывающие и закрывающие книгу обстоятельные авторские главы придают ей характер монографического исследования. В первой из них увлекательно описаны «Поиски потерянных устных историй о Февральской революции» (р. 3–14), проводившиеся Ляндресом на протяжении 14 лет. Во второй главе говорится о создании ОИРР и его Комиссии опросов Таврического дворца, М.А. Полиевктове и других её членах. Обе они составляют первую часть книги, названную «История создания интервью» (р. 3). Вторая часть – «Опросы» (р. 54) – включает в себя 3–12 главы. В них приведены стенограммы интервью (опросов), взятых членами Комиссии у Б.А. Энгельгардта, А.А. Чиколини, П.В. Герасимова, М.В. Родзянко, Л.С. Туган-Барановского, Н.В. Некрасова, Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелева, А.Ф. Керенского и М.И. Терещенко. Каждую стенограмму предваряет авторское введение, содержащее краткую биографическую справку и характеризующее черты личности опрашиваемого, которые, по мнению Ляндреса, следует учитывать для понимания интервью; там же указываются обстоятельства проведения опроса и наиболее яркие его особенности. Кроме того, стенограммы поясняют ёмкие и содержательные примечания. Все тексты по требованию издателя были пе-

реведены с русского на английский язык. В настоящее время сами документы хранятся в Отделе рукописей и редких книг Хесбергской библиотеки в Нотр-Дамском университете (Нотр-Дам, Индиана, США) и готовятся к полной публикации на русском языке. В завершающей, 13-й, главе автор рассуждает об историческом значении данных интервью и их важности для понимания Февральских событий.

Эти интервью Ляндрес искал с 1992 г. Тогда о них было известно из работ Э.Н. Бурджалова, ссылавшегося на «Материалы Комиссии опросов Общества изучения революции», а также из монографии Ц. Хасегава, которому так и не удалось с ними ознакомиться. «Небольшая часть этих материалов, – писал Бурджалов, – имеется в личном фонде профессора М.А. Полиевктова, хранящемся у его вдовы профессора Р.Н. Николадзе. Она любезно предоставила возможность автору использовать эти материалы»¹. Для этого историк специально ездил в Грузию. Однако в монографии 1967 г. он привёл, не датируя, только отдельные и крайне тенденциозно подобранные цитаты из интервью с Терещенко, Керенским, Родзянко, Некрасовым, Энгельгардтом, Туган-Барановским и Скобелевым².

После поисков в Государственном архиве Российской Федерации Ляндрес убедился, что все имеющиеся копии опросов хранятся в Грузии у наследников Полиевктова. (р. 7). Однако «путешествие в Грузию в период “потерянного десятилетия” 1990-х гг. было не только чрезвычайно опасным, но и, скорее всего, бессмысленным, шансы найти хорошие контакты или получить доступ к практически бездействующему Государственному архиву

* *Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold stories of the February 1917 revolution. Oxford: Oxford University Press, 2013. 322 p.* В 2014 г. то же издательство переиздало книгу в мягкой обложке.

были далеко не надёжны». «Таким образом, – признаётся Ляндрес, – я решил оставить грузинский этап в стороне и подождать наступления более стабильного и спокойного времени» (р. 6). Между тем в 2003 г. мне довелось обнаружить в грузинском журнале «Орион» протокол опроса А.Ф. Керенского, сделанный «по поручению одного из петроградских учёных обществ»³. Было очевидно, что он проводился сотрудниками Комиссии Таврического дворца. Опубликовав его в 2004 г. в журнале «Клио»⁴, я тогда же сообщил о своей находке и публикации Ляндресу, которому в том же году удалось начать переговоры с наследником Полиевктова. В мае 2006 г. он смог, наконец, воочию ознакомиться с материалами, сохранившимися в семейном архиве Полиевктовых (р. 13). На их основе и с учётом практически недоступных российским учёным документов Центрального государственного исторического архива Грузии написана вторая глава книги «М.А. Полиевктов и первые устные истории о Февральской революции» (р. 15–50), в которой впервые достаточно подробно прослеживается биография историка⁵. В частности, как установил Ляндрес, «существует свидетельство, что Полиевктов на короткое время летом и осенью 1905 г. примыкал к партии Народной свободы» (р. 25).

Ещё Бурджалов указал, что «в первые же дни революции по инициативе преподавателей Петроградского университета образовалось Общество изучения революции 1917 г., возглавляемое профессором А.Е. Пресняковым», а «при Обществе работала комиссия личных опросов, руководимая историком М.А. Полиевктовым». Ею «опрашивались в первую очередь лица, находившиеся в дни революции в Таврическом дворце (поэтому комиссия называлась Комиссией Таврического дворца)». Упомянул Бурджалов и о тех опросах, которые проводились Б.А. Романовым и С.Н. Валком в воинских частях⁶.

По мнению Ляндреса, ОИРР было официально создано к концу апреля 1917 г., когда Полиевктов и Пресняков «предприняли собственные усилия по сбору материалов, документирующих исторические события Февральских дней», устроив «центр сбора документов в соб-

ственных квартирах – Пресняков на Надеждинской улице (№ 11), а Полиевктов на расположенной недалеко Фурштатской (№ 27)» (р. 38). Между тем ещё до 9 апреля 1917 г. Пресняков сделал запись: «Комиссия для собирания материалов по изучению революции 1917 г. / Мих[аил] Дмитриевич] Скоробогач / ячейки при профессиональных организациях»⁷. К сожалению, о Скоробогаче известно лишь то, что он являлся членом Союза солдат-республиканцев⁸. Но именно эта организация и сыграла главную роль в создании ОИРР. «При некоторых полках петроградского гарнизона, – писал Пресняков, – возникли “исторические комиссии”, по почину солдат и молодого офицерства, для сохранения памяти о выступлении воинских частей и их роли в движении. “Союз солдат-республиканцев”, существовавший недолго, сделал попытку систематически наладить это дело и обратился за помощью к интеллигентским кругам – к молодым силам университетской среды. Образовалось было, по почину союза, “Общество изучения революции 1917-го года”»⁹. Иными словами, ОИРР возникло не к концу апреля, а несколько ранее. В записной книжке Преснякова имеется запись, датированная 16 апреля 1917 г., о его организационном собрании, на котором обсуждался или даже был принят устав, рассматривался вопрос о музее, а также происходили выборы председателя и бюро¹⁰. Председателем Общества избрали Преснякова, как полагает Ляндрес, «потому что имел высокий статус в петроградских академических кругах и был связан с политическими фигурами – центристами и левыми». Казначеем согласился быть К.В. Хилинский, а студентка Преснякова и Э.Д. Гримма Ольга Конрадовна Недзвецкая стала секретарём (р. 38). И она, и некоторые другие участники ОИРР ещё в 1960-е и в начале 1970-х гг. жили в Ленинграде (р. 38, 41), но не спешили рассказать о своей работе в Комиссии опросов Таврического дворца¹¹. В Бюро ОИРР вошли Скоробогач от Союза солдат-республиканцев и прапорщик 80-го Кабардинского полка Б. Любарский от Союза офицеров-республиканцев. Предполагалось также ввести в его состав представителей исторических комиссий запасных

Волынского и Финляндского полков¹². К числу руководителей ОИРР, по свидетельству Преснякова, принадлежал также историк Б.В. Александров, преподававший в Константиновской женской гимназии при Женском педагогическом институте¹³. По справедливому замечанию Ляндреса, для выяснения политической истории Февральского переворота самой важной секцией ОИРР являлась именно Комиссия опросов Таврического дворца, во главе которой стоял Полиевктов (р. 40). Состав её восстановлен полностью, и именно ей автор книги уделяет основное внимание.

Наибольший интерес, конечно, представляют сами интервью политических деятелей. Первым помещён опрос депутата IV Государственной думы Б.А. Энгельгардта, ставшего в дни Февральской революции членом Временного комитета Государственной думы и председателем его Военной комиссии (ВК ВКГД). Проводился он 4 мая 1917 г., причём рассказ Энгельгардта был изложен от третьего лица. Кстати, став впоследствии весьма плодовитым мемуаристом, он по тем или иным соображениям не упоминал о некоторых обстоятельствах, изложенных в данном интервью, в частности, об участии в заговорах против Николая II накануне революции. Комиссии же он сообщал: «Идея заговора сгущалась. Энгельгардт провёл беседы с офицером из 1-го [кавалерийского] гвардейского полка, который жил на Фурштадской улице: с отрядом из 1-го кавалерийского гвардейского полка, продвигаясь в Царское [Село], осуществить государственный переворот» (р. 57). Как поясняет Ляндрес, речь шла о кавалерийском офицере Д.В. Косиковском (р. 64). Кроме того, «Энгельгардт вёл переговоры с Милюковым, Шингарёвым и другими о том, что будет сделано, если в один прекрасный день раненый офицер выпустит три пули в “Его” или “Её” спину во время посещения полевого госпиталя. Готовы ли мы к этому? Кто тогда встанет у руля государства? 3 февраля мы подбирали подходящие имена и, ведомые идеей государственного переворота, записали: Львов, Гучков, Милюков, Поливанов, Шингарёв. Последний упомянутый поморщился и сказал: Всё равно это кровь. Это мне не нравится”. Но Энгельгардт, человек воен-

ный, готовый пойти на это, думал, что это неминуемо и крайне необходимо во благо страны. Было решено заставить мальчика (цесаревича Алексея. – *А.Н.*) подписать документ, заранее подготовленный, и сформировать [правлящий] совет при нём, составленный из Родзянко и Поливанова, а также министров князя Львова, Милюкова и Гучкова. Шингарёва спросили: “А как Вы?”. Он ответил: “Я человек слова, а не дела. Это не для меня”» (р. 58). Таким образом, Энгельгардт обсуждал возможность убийства императора или императрицы, а также создания регентского совета при цесаревиче. Говоря о «министрах» кн. Г.Е. Львове, П.Н. Милюкове и А.И. Гучкове, Энгельгардт, очевидно, имел в виду их статус 4 мая 1917 г. А в дни Февральской революции идея регентского совета, а точнее – придания такого характера думскому Комитету, использовалась Родзянко во время переговоров с Керенским о главе Временного правительства. Не менее любопытно признание Энгельгардта о том, что утром 28 февраля 1917 г. он подготовил приказ об аресте царского правительства, находившегося, по его словам, в Адмиралтействе. Приказ был одобрен и подписан Милюковым и Керенским (р. 60). Видимо, под ним была подпись и самого Энгельгардта.

Опрос зауряд-капитана 86-й Вологодской дружины Государственного ополчения, члена ВК ВКГД А.А. Чиколини, состоявшийся 5 мая 1917 г., как отмечает Ляндрес, «является единственным известным до сих пор его записанным свидетельством». Между тем его «интервью представляет собой уникальное описание внутренней структуры Военной комиссии, состава и множества задач её со слов образованного, восприимчивого, хорошо информированного участника без определённой политической окраски» (р. 71). Чиколини нередко сообщает такие детали, которые не сохранились в других источниках. Так, он упоминает, что «1 марта Военная комиссия переехала из комнаты 44 в 22 комнату на втором этаже» (р. 79). Считается же, что она располагалась в комнатах № 41 и 42 – в кабинете и канцелярии товарища председателя Государственной думы Н.В. Некрасова, а комнату № 44 занимала Низшая следственная

комиссия. Не исключено, впрочем, что Чиколини, говоря о переезде, описывал события, происходившие уже после революции.

Депутат IV Думы кадет П.В. Герасимов, интервью которого записывалось 9 мая 1917 г., не раз рассказывал о революционных событиях в прессе¹⁴. Поэтому трудно согласиться с утверждением Ляндреса, будто это «его единственное известное свидетельство» (р. 88). Но только в данном опросе он указал, что во время частного совещания членов Государственной думы в Полуциркульном зале, на которое Родзянко не пригласил стенографистов, сделал записи в своей записной книжке (р. 92). Вероятно, именно те краткие наброски, более известные как анонимный протокол «частного совещания», и были опубликованы в эмиграции В.М. Вершининым без указания автора¹⁵ (р. 99). Несмотря на назначение Герасимова комиссаром ВКГД в Петроградском градоначальстве, каких-либо документальных свидетельств о его вступлении в эту должность не сохранилось. Поэтому считалось, что в градоначальстве он в дни Февральской революции так и не появился. Но в интервью он прямо утверждал, что «исполнял обязанности градоначальника круглосуточно в первые два дня»: «В этом качестве ночью 28 февраля и 1 марта я наводил порядок» (р. 89). «Меня, – вспоминал Герасимов, – вызывали в здание градоначальства, где каждые 10–15 минут поступали телефонные сообщения с информацией о грабежах, поджогах домов и т.п. Все эти сообщения были удивительно неточными. 80% оказывались ложными. В распоряжении градоначальства было несколько солдат, и некого было отправить, когда требовалась помощь. Я вынужден был отказаться от этой должности» (р. 95). Кстати, о том, что Герасимов занимал пост комиссара всего 2 дня, ранее тоже не было известно.

16 мая 1917 г. Комиссия Таврического дворца взяла интервью у председателя Государственной думы и её Временного комитета М.В. Родзянко. К сожалению, опрос этот оказался краток и не раскрывал в полной мере участия Государственной думы и её председателя в Февральской революции. Однако именно здесь, отвечая

на вопросы, Родзянко признался: «Принимая во внимание упрямство царя, я не представлял себе спасение России без переворота» (р. 106). Тем самым в этом интервью он причислил себя к сторонникам дворцового переворота (р. 105). Более того, затем он заявил: «Революция – опасное дело. Мы пытались сдержать её до весны, до весеннего наступления, чтобы уничтожить немцев. После этого мы могли революционизироваться насколько хотели и получить свободы. С точки зрения российского государства, я прав. Свобода не убежит от нас в любом случае, потому что нельзя было продолжать жить, как жили мы. Революция была неизбежна» (р. 109).

Одним из наиболее обширных и информативных, по мнению Ляндреса, является интервью, взятое 17 и 20 мая 1917 г. у руководящего члена ВК ВКГД в дни Февральской революции полковника Генерального штаба Л.С. Туган-Барановского. В момент проведения опроса он исполнял обязанности начальника канцелярии военного министра. Рассказав Комиссии Таврического дворца о своей деятельности в ВК ВКГД и о том, как Керенский возглавил военное ведомство, Туган-Барановский впоследствии не оставил каких-либо других свидетельств (р. 114–115).

Член ВКГД Н.В. Некрасов, напротив, делился позднее воспоминаниями со следователями «во время его арестов в 1921, 1931 и 1939 гг.», причём «в двух из этих трёх случаев он очень кратко затронул свою роль в Февральской революции»¹⁶. Но, разумеется, эти показания «не идут ни в какое сравнение с его интервью 25 мая 1917 г., которое не только представляет раннее и наиболее полное свидетельство о его деятельности в период февральских дней, но остаётся единственным – составленным по его собственной воле» (р. 144). В ходе опроса он передал интересные подробности о переговорах думской делегации с вел. кн. Михаилом Александровичем вечером 27 февраля и 3 марта. «Я составил текст отречения в пользу людей, которые будут управлять до созыва Учредительного собрания, – говорил Некрасов об их результате. – Он был использован в качестве основы для окончательного текста отречения (отказа от восприятия вер-

ховной власти. — А.Н.)» (р. 149). Не менее любопытно, что, судя по его словам, в революционные дни он и другие думцы по большей мере лишь отслеживали передвижение царских поездов, а попытки как-то управлять ими не всегда заканчивались удачно. «Нам потом поступило сообщение, — вспоминал Некрасов, — что императорские поезда прибыли в Бологое и просили разрешения пройти в направлении Дно. Мы позволили им продолжить путь, думая, что мы... задержим их на полпути к Дну. Был отдан приказ, но как-то он поздно поступил». «Он не мог направиться на юг, но его путь на север был открыт, — полагал Некрасов, говоря о царском поезде. — Было неожиданностью для всех, что он отправился в Псков. Ему разрешили поехать туда, потому что это было безопасно для нас — мы были уверены в настроении во Пскове. Он застрелял там, и отрёкся от престола» (р. 152).

27 мая 1917 г. небольшое (и в целом малоинформативное) интервью дал член ВКГД и председатель Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе, не публиковавший каких-либо мемуаров о Февральской революции (р. 159). По его словам, когда думцы «составили список» первого состава Временного правительства, «было ясно, что мы, социал-демократы, не собирались присоединиться»: «Кадеты и прогрессисты были выдвинуты. Называли князя Львова... Маклаков был упомянут в качестве министра юстиции, но я не помню точно. Должность оставалась неопределённой долгое время. Керенскому было предложено войти в состав кабинета, но мы не выдвигали его. Мы не обсуждали его. Керенский пришёл в Совет и заявил, что он стал министром, он действовал по собственной инициативе» (р. 162). Отвечая на вопрос о времени составления Декларации 3 марта 1917 г., Чхеидзе заметил: «Сначала была декларация. Мы предлагали наши “девять пунктов” им. У них не было своих собственных» (р. 163).

Депутат IV Думы и один из создателей Петроградского совета рабочих депутатов М.И. Скобелев 29, 30 и 31 мая сообщил Комиссии Полиевктова весьма ценные сведения, не сохранившиеся в опубликованных им воспоминаниях¹⁷

(р. 167, 169). В частности, рассказывая (и весьма подробно!) о событиях 27 февраля, он упомянул, что около первого часа дня вместе с трудовиком Н.О. Янушкевичем и независимым депутатом А.П. Савватеевым встречал в Государственной думе делегацию от 25 тыс. восставших солдат и студентов Военно-медицинской академии (р. 176). Ранее же считалось, что эти думцы участвовали лишь в совещании Совета старейшин 27 февраля (а Янушкевич ещё и в частном совещании членов Государственной думы в Полуциркульном зале). Скобелев также утверждал, что «Керенский, видимо, по собственной инициативе, занялся организацией Военной комиссии», поскольку «здесь Временный комитет Думы отставал». При этом речь шла именно о ВК ВКГД: «Комиссия расположилась в комнате номер 42 и образовала своеобразную штаб-квартиру, куда все революционные солдаты приходили за инструкциями» (р. 178). «Я провёл ночь, — вспоминал Скобелев, — бегая между Военной комиссией, Временным комитетом, кабинетом Родзянко... Телефон Родзянко использовался всё время. Все мы: Некрасов, Гродзицкий, Ефремов, Милюков, Коновалов, Шульгин и я пытались всю ночь напролёт понять, какой из кварталов был под нашим контролем, а какие всё ещё находились под контролем правительства» (р. 179). Таким образом, деятельность Скобелева в ВК ВКГД началась уже с 27–28 февраля, а не с 1 марта, когда он вошёл в неё как представитель Исполкома. Ничего не было известно прежде и об участии в революции прогрессиста М.И. Гродзицкого, назначенного 2 марта комиссаром ВКГД в Государственный контроль. Став комиссаром Петроградского железнодорожного узла, Скобелев не только отменил литерный поезд, на котором Родзянко собирался отправиться на встречу с Николаем II. «Я расположился у телефона и связался с железнодорожным персоналом, — говорил он о своих действиях 1 марта. — Я попросил их, чтобы они уведомляли меня, если будут какие-либо изменения» (р. 183). Скобелев подтверждает, что при обсуждении первого состава Временного правительства Маклаков отказался от должности министра юстиции в пользу Керенского,

а Коновалов и Некрасов вообще отказались занимать в нём какие-либо посты без Керенского (р. 184–185). Кроме того, они выступили против назначения Родзянко министром-председателем (р. 187–188). Особого внимания заслуживает и рассказ об исчезнувшем из Декларации 3 марта пункте, провозглашавшем Россию республикой (р. 186).

Интервью Керенского интересно, прежде всего, тем, что во время проведения опроса ему ещё не нужно было оправдываться или кого-либо обвинять (р. 220). Как установил Ляндрес, в 1919 г. была напечатана «непроверенная, ошибочно датированная (5 июня вместо 31 мая) и неполная запись опроса Керенского», переданная редакторам тбилисского ежемесячника «Орион» Русуданой Микеладзе, входившей в состав Комиссии Полиевктова. Это «вызвало возмущение сестёр Николадзе (в то время Полиевктов находился в Петрограде), которые не только обратились к непредсказуемой Микеладзе, но и написали письмо “в редакцию”, в котором снимали с себя всякую ответственность за публикацию опроса Керенского и ставили под вопрос его подлинность» (р. 45–46).

Однако сравнение текстов показывает, что в «Орионе» появилась несомненно, подлинная, но краткая запись интервью. В частности, слова Керенского о том, что 27 февраля «руководство событиями упало де-факто к нам в руки, то есть ко мне, Чхеидзе, Скобелеву, Некрасову, Ржевскому – отчасти к левому крылу [Думы], и отчасти к левой фракции [Прогрессивного] блока» (р. 225), оказались сокращены, и в них уже не упоминались ни левое крыло Государственной думы, ни В.А. Ржевский. При сокращении исчезли фрагменты, где говорилось о том, как Керенский и Чхеидзе подписали постановление, разрешавшее Комитету думских журналистов издавать газету «Известия», как Александр Фёдорович определял судьбу офицеров, захваченных восставшими на Водонапорной башне (р. 26), и вечером 27 февраля отдавал приказы об аресте министра внутренних дел А.Д. Протопопова и председателя Государственного совета И.Г. Щегловитова (р. 229–230). Ранее веских свидетельств о том, что именно Ке-

ренский распорядился «арестовать» Протопопова, не было.

Уникальные сведения, в том числе о своём участии в гучковском заговоре, сообщил Комиссии Таврического дворца М.И. Терещенко, который никогда «не писал мемуаров» (р. 246). «Нас было всего пятеро, – заявил он в интервью 7 июня 1917 г. – Мы решили, что переворот был необходим, обсуждали конкретные меры, чтобы осуществить его. Поскольку царь отправился в Ставку незадолго до нашей встречи, наш план не мог быть сразу реализован. Поэтому мы назначили дату переворота на начало марта» (р. 252). Как известно, среди заговорщиков были Гучков, Терещенко, Некрасов и кн. Д.Л. Вяземский (р. 249). Пятым Терещенко называет кавалерийского гвардейского офицера Д.В. Коссиковского, «который ранее высказывался в пользу вовлечения армии в подготовку государственного переворота» (р. 262). 28 февраля ротмистр Коссиковский выполнял поручения ВК ВКГД, не занимая в ней ответственных постов. Поведал Терещенко и об обстоятельствах, при которых была предпринята попытка провозгласить начальника Главного артиллерийского управления генерала А.А. Маниковского военным диктатором восставшего Петрограда (р. 259). Впоследствии Гучков и Терещенко тщетно предлагали Маниковскому стать «временным военным министром», но тот уклонился (р. 260).

В заключительной главе Ляндрес, опираясь на интервью, размышляет о гучковском заговоре. При этом он обращает внимание на деятельность Коссиковского, который по поручению ВК ВКГД должен был передать маршевым эскадронам Гвардейского запасного Кавалерийского полка приказ вернуться в Крчевецкие казармы и ожидать там дальнейших распоряжений. Но в казармы эти подразделения не вернулись, задержавшись на станции Чудово, где находились 2 марта 1917 г. По мнению Ляндреса, кавалеристы оказались там для того, чтобы воспрепятствовать проезду царского поезда через Чудово в Тосно, а оттуда в Царское село. И если бы во Пскове император не отрёкся, «любая попытка добраться до Царского села или Петрограда путём Старая Русса–Новгород–Чудово или Бологое–Чудово могла быть останов-

лена силой кавалерии, расположенной в Чудово» (р. 277–278). Впрочем, нужно ещё доказать, что Коссиковский находился вместе с этими эскадронами в Чудово и они готовы были подчиняться его приказам.

Споря с теми, кто считает, что заговор Гучкова не перешёл «за эмбриональную фазу» (р. 283), Ляндрес указывает на то, как 27 февраля заговорщики дважды пытались провозгласить генерала Маниковского то «военным диктатором» (р. 281), то главой Временного правительства (р. 282). «Он был, – полагает Ляндрес, – одним из видных старших генералов, которого уважали за профессионализм и умеренные политические взгляды» (р. 280). Однако взгляды Маниковского и его связи с революционерами до сих пор специально не рассматривались, а только их изучение способно объяснить столь пристальное внимание к нему заговорщиков.

Анализируя позицию, занятую накануне революции Милюковым, Ляндрес пишет, что «его куда больше, чем поверхностное, знание заговора и, по крайней мере, молчаливое согласие с ним больше не вызывает сомнений» (р. 284). При этом он ссылается на интервью Терещенко и личную беседу Милюкова с Б.И. Николаевским в эмиграции. Явно сочувствовал отрешению императора от власти и председатель Государственной думы. По словам Ляндреса, «одобряя идею переворота, Родзянко также безоговорочно принял необходимость заменить правящего монарха» (р. 285). Таким образом, мысль о желательности отречения царя возникла у Родзянко задолго до 1 марта и была вызвана отнюдь не нарастанием беспорядков в столице или давлением масс. В дальнейшем, уговаривая вел. кн. Михаила Александровича отказаться от восприятия верховной власти, Родзянко, как справедливо утверждает Ляндрес, действовал в собственных интересах, рассчитывая стать фактическим правителем России.

Нет сомнений в том, что новая книга Ляндреса имеет огромное значение для понимания событий 1917 г. Автор обоснованно оспаривает традиционные представления о стихийности волнений в Петрограде и по-новому освещает мотивы и цели думских лидеров, заставляя усомниться в

привычной «социальной» интерпретации революции, при которой «политика» оказывалась лишь производной от социально-экономических факторов. Разумеется, не все историки согласятся с высказанными Ляндресом предварительными наблюдениями (особенно при дальнейшем углублённом изучении опубликованных материалов). Но не считаться с приводимыми им свидетельствами и выводами не сможет ни один серьёзный историк Русской революции. Они служат веским доказательством того, что Государственная дума в феврале 1917 г. являлась центром революции и штабом восстания, а думцы вовсе не были нерешительными революционерами, как принято считать в зарубежной и отечественной историографии.

Вместе с тем любое издание имеет свои недостатки. Публикация опросов на английском языке, безусловно, затрудняет работу с ними, возможность же сверить текст перевода и оригинала пока практически отсутствует. Кроме того, в книгу почему-то не вошло ещё 6 интервью: с присяжным поверенным М.Г. Кантором, сотрудником думской канцелярии С.В. Суфшинским, депутатом Государственной думы националистом В.В. Шульгиным, историком и народным социалистом П.Б. Шаскольским, меньшевиком И.Г. Церетели и Н.Н. Красновым – одним из помощников генерала Л.Г. Корнилова в бытность его главнокомандующим Петербургским военным округом (р. 40). Остаётся надеяться, что они войдут в русское издание книги, которое в настоящее время готовит профессор С.М. Ляндрес. В нём, вероятно, каждое интервью будет снабжено необходимой археографической справкой или же особенностям их текста историк посвятит отдельную главу. В том случае, если интервью реконструировалось публикатором с помощью разных записей, желательно указать в тексте места их соединения, а в подстрочнике привести имеющиеся разночтения. Полное издание столь ценного источника на языке оригинала и в соответствии с научными требованиями станет достойным завершением многолетней работы по выявлению и изучению материалов Комиссии М.А. Полиевктова.

Примечания

¹ *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 79.

² Там же. С. 78–79, 158–159, 163, 204, 226, 234, 235, 291, 326, 376. В монографии 1971 г. им использовались только материалы опроса Скобелева: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 359.

³ А.Ф. Керенский и февральская революция // Орион. Тифлис, 1919. № 2. С. 61.

⁴ *Николаев А.Б.* Керенский о Февральской революции // Клио. 2004. № 3(26). С. 108–116.

⁵ Большая часть этой главы опубликована: *Ляндрес С.М.* М.А. Полиевктов и Комиссия опросов Таврического дворца // Политическая Россия XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 287–315.

⁶ *Бурджалов Э.Н.* Источники и литература по истории Второй русской революции // Свержение самодержавия. Сборник статей. М., 1970. С. 254–255.

⁷ Архив СПбИИ РАН, ф. 193, оп. 1, д. 159, л. 4.

⁸ В 1917 г. М.Д. Скоробогач проживал в Петрограде по адресу: Васильевский Остров, 10-я линия, д. 25, кв. 39 (Там же, л. 1).

⁹ *Пресняков А.* Реформа архивного дела // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 205.

¹⁰ Архив СПбИИ РАН, ф. 193, оп. 1, д. 159, л. 4 об.

¹¹ Так, Мария Феликсовна Ропп, записывавшая опросы в комиссии Полиевктова, позднее вспоминала лишь о том, что в апреле 1917 г., по окончании Женского педагогического института, участвовала «в организации школы для рабочих Петроградской стороны» (*Ропп М.Ф.* Моя общественная работа. 1964 // Музей истории РГПУ им. А.И. Герцена, ОФ, Р-16, л. 8).

¹² Архив СПбИИ РАН, ф. 193, оп. 1, д. 159, л. 4 об. 16 апреля 1917 г. А.Е. Пресняков отметил в записной книжке: «В Финляндском полку есть ист[орическая] ком[иссия]. Председателя комиссии в бюро» (Там же, л. 8).

¹³ Государственный архив Рязанской области, ф. 869, оп. 1, д. 126, л. 89. Эти сведения любезно сообщил П.А. Трибунский.

¹⁴ *Герасимов П.В.* По поводу восстания Ораниенбаумских пулемётчиков // Маленькая газета. 1917. 31 марта; *он же.* Почётный караул // Солдатское слово. 1917. 10 марта.

¹⁵ Из заметок о первых днях революции // Воля России. 1921. 15 марта.

¹⁶ См.: Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. Вступительная статья В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 19–20, 38.

¹⁷ *Скобелев М.И.* Гибель царизма. Воспоминания // Огонёк. 1927. № 11. 13 марта; 25 февраля–3 марта (Воспоминания б[ывшего] члена социал-демократической фракции Государственной думы М. Скобелева) // Вечерняя Москва. 1927. 11 марта; и др.